

Диплома

**РОЛЬ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ
В МОДЕРНИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ
РОССИИ**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ
Петрозаводский филиал

**РОЛЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
2012

УДК 338.1
ББК 65.01.я 73
Р68

Рецензенты:

А. М. Цыпук, д. т. н., профессор, Петрозаводский государственный университет

Г. Б. Козырева, д. э. н., доцент, Институт экономики Карельского научного центра РАН

Редакционная коллегия:

А. И. Шишкин, Г. В. Гиенко, С. В. Степанова

Роль науки и образования в модернизации экономики Р68 России: коллективная монография /А. И. Шишкин [и др.]. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2012. — 142 с.: ил.
ISBN 978-5-94047-285-8

Основой коллективной монографии послужила дискуссия профессорско-преподавательского состава Петрозаводского филиала СПбУУиЭ об основных направлениях и путях модернизации российской экономики, роли науки и образования в этом процессе.

В издании раскрывается первостепенная роль науки и образования в модернизации российской экономики, исследуются теоретико-методологические и исторические аспекты модернизации, анализируются цели и задачи современной модернизации российского общества. Излагаются проблемы методологического поиска путей модернизации отечественной экономики, охватывающей сферы управления, бизнес-сообщества, реального производства и подготовки квалифицированных кадров.

Издание предназначено для специалистов, интересующихся проблемами модернизации экономики, научных сотрудников, преподавателей высших и средних профессиональных учебных заведений, магистрантов, аспирантов и студентов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям.

УДК 338.1
ББК 65.01.я 73

ISBN 978-5-94047-285-8

© Коллектив авторов, 2012
© СПбУУиЭ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Модернизация	18
Раздел 2. Роль институциональных факторов в модернизации экономики современной России	33
Раздел 3. Организационно-управленческие инновации в модернизирующемся обществе	44
Раздел 4. К вопросу о модернизации регионального управления (семь основных изменений в региональном управлении)	70
Раздел 5. Эволюция концепции организационной культуры в контексте модернизации управления	93
Раздел 6. Инновационный потенциал высшего образования	108
Раздел 7. Влияние туризма в контексте модернизации развития Карелии	117
Раздел 8. Базовая кафедра — новая форма эффективного сотрудничества академической науки и университета	136

ВВЕДЕНИЕ

Многие под гражданским обществом понимали некоммерческие неполитические общественные организации, так называемый третий сектор (имея в виду, что первый сектор — это власть, а второй — бизнес). Российские политологи все как один говорили: да, конечно, третий сектор входит в гражданское общество, но не только он, но и политические партии, и СМИ, и независимый бизнес. Меня очень поразило это расхождение во взглядах политологов.

Все согласятся с тем, что гражданское общество — **это конгломерат структур**, не относящихся к власти. Поэтому в Германии к гражданскому обществу относится только третий сектор экономики. Ведь политические партии у них причастны к власти: выигравшие выборы партии становятся законодательной властью и формируют правительство.

В России выигравшие партии входят в Государственную Думу. Но является ли наша Дума действительно властным органом? Нет, особенно нынешняя, она не имеет власти даже при выполнении своего прямого назначения — принятии законов, их ей диктуют президент и правительство. Вот почему наши политологи относят политические партии не к властным структурам, а к гражданскому обществу.

В демократических странах СМИ называют четвертой властью. Они вмешиваются в политическую борьбу, обсуждают действия — и бездействие — исполнительной и законодательной власти и реально влияют на их политику.

Конечно, наши независимые СМИ тоже обсуждают действия властей, но влияет ли это хоть как-нибудь на них? Нет. Поэтому у нас СМИ — не четвертая власть, а часть гражданского общества.

Бизнес. В демократических странах бизнес распоряжается экономикой, частная собственность **священна**, и власти приходится с этим считаться, принимая политические решения с оглядкой на мнение бизнеса. Можно сказать, что в этом случае бизнес — экономическая власть страны. У нас практически нет бизнеса, не зависящего от власти. Крупный бизнес зависит от федеральных властей,

средний и мелкий — от региональных и местных. Политической властью он не обладает, и поэтому Российские политологи относят бизнес к гражданскому обществу.

Таким образом, выходит, что наше гражданское общество включает более разнообразные структуры, чем в развитых странах. Оно менее однородно, состоит из нескольких сегментов.

Каждый из этих сегментов вполне достаточен по размерам даже для такой большой страны как Россия, чтобы считать общество достаточно структурированным для присвоения ему наименования гражданского общества. При этом у нас основой гражданского общества является **третий сектор** как наиболее самостоятельная, не зависящая от властей и наиболее развитая часть гражданского общества.

Политические партии, в их притязаниях на участие во власти объединяют заметное число наших граждан. Как известно, по закону может быть зарегистрирована лишь та партия, которая наберет не менее 10 тыс. членов в разных регионах. Как бы ни были наши партии слабы, все-таки это объединения единомышленников, достаточно активных, чтобы об этом заявить во всеуслышание хотя бы самым фактом вступления в ту или иную партию.

Похоже, что наше гражданское общество развивается по модели, которая ближе к американской, а не к европейской. В Европе ключевую роль изначально играла политическая активность. Сначала там возникали политические партии, а затем вокруг них разнообразные кружки, общества, фонды.

А в Америке две крупные политические партии — Демократическая и Республиканская — фактически являются машинами для выборов, а гражданская активность осуществляется через очень многочисленные неполитические организации — комитеты, общества, кружки, группы. В России получается так же. Вся энергия политических партий уходит на обеспечение победы на выборах и реально действующая в соответствии с программой партии ее часть — это ее фракция в законодательном собрании. Не случайно, оказавшись без фракций в Думе и «Яблоко», и СПС сошли с политической сцены.

Что касается средств массовой информации, то, конечно, большая их часть находится в зависимости от государства, контролируется властями разных уровней, но все-таки у нас есть и независимые СМИ — не только газеты и радиостанции, но и телевизионные част-

ные компании — конечно, маломощные, но они имеются почти во всех регионах. Независимые СМИ являются рупором идей общества, и, будучи притесняемыми властными структурами, чувствуют себя и по существу являются частью гражданского общества.

Бизнес тоже именно в силу своей зависимости от власти (чем он, конечно, тяготится) оглядывается на общественные структуры — не помогут ли они освободиться от этой зависимости, но при этом, конечно, прикидывает, хватит ли у этих структур сил для такой помощи и для противостояния власти. В силу своего прагматического мышления и необходимой в бизнесе осторожности он примкнет по-настоящему к гражданскому обществу лишь тогда, когда убедится, что оно достаточно сильно для реальной поддержки предпринимателей.

Гражданское общество в России существует, т. е. масштабы организованного, структурированного сегмента населения у нас с учетом всей специфики нашей страны не меньше, чем в Германии, где никто не ставит под сомнение существование гражданского общества. Но в Германии власти признают гражданское общество **своим равноправным партнером и не могут не считаться с ним**, а у нас власть не считается с гражданским обществом — ни с политическими партиями, ни со СМИ, ни с бизнесом, ни с третьим сектором.

Власть — сама по себе и довлеет над всеми структурами гражданского общества, не считаясь с интересами граждан.

Потому что у нас гражданское общество зародилось совсем недавно.

В советские времена его не было. Существовал запрет на общественные организации, в которых нет руководящего ядра из членов КПСС — правящей партии, т. е. не под прямым надзором государства. Восемнадцатилетний срок, отделяющий нас от нашего советского прошлого — это мгновение в истории.

И хотя нашего гражданского общества развивается, ему еще далеко до того, чтобы по силе и влиянию на жизнь страны сравняться с властными структурами, тем более что эти властные структуры имеют историю в несколько столетий. Реально правит в нашей стране российская бюрократия, а ее история уходит в допетровский период. Пережив потрясения революции, полностью сменившись по персональному составу, российская бюрократия перевоплотилась в бюрократию советскую, и семь десятилетий советского режима были

временем ее наибольшего могущества. Сейчас эта советская бюрократия, пережив некоторый период растерянности, вернула свое былое могущество. Она подмяла под себя и законодательную власть, и судебную, и политические партии и соорудила собственную партию.

Сейчас российская бюрократия сосредоточилась на руководстве бизнесом. На федеральном уровне борьба ведется против так называемых олигархов, т. е. крупного бизнеса, а в регионах те же самые средства борьбы применяются к среднему и малому бизнесу. Но в перспективе власть рассчитывает поставить под контроль и третий сектор — гражданское общество.

Олигархия — это власть, обеспечиваемая богатством. У нас же единственным носителем власти является бюрократия, исполнительная власть — и выборная, и назначаемая.

Богатый человек у нас обладает властью, только если он сам является государственным чиновником, или если этот богач покупает милость властей. Бюрократия заботливо поддерживает этот порядок всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, в том числе налоговой политикой. Ведь очевидно, что законы наши сознательно построены так, чтобы держать на крючке всех предпринимателей и крупных, и мелких¹.

У нашей бюрократии безошибочный нюх на опасность утраты власти. На самом верху не без основания усмотрели опасность и в прозрачности ведения бизнеса, и в деятельности Фонда «Открытая Россия». Эта активность была расценена как стремление заключить союз с обществом для освобождения и бизнеса, и общества из-под ига государства (ведь для любой бюрократии государство — это она сама и никто больше).

Опасения в том, что если начнут действовать тандем — бизнес и общество — и станет равновеликим по силе клану бюрократов и им придется считаться с гражданским обществом, так как это имеет место в той же Германии.

Российский бизнес уже тяготится своим положением. Уже немало среди предпринимателей таких, кто предпочел бы бремя спра-

¹ Законы противоречивы, их толкование многовариантно, и к тому же выполнение их просто обременительно, иной раз до невозможности выполнения. Предпринимателю приходится хитрить, уходить в «тень», и это делает его покорным чиновникам, так как они в любую минуту, если он вызовет их недовольство, могут его разорить, а то и посадить.

ведливых налогов постоянным поборам и унижительной зависимости от своры чиновников. Многие поглядывают в сторону гражданского общества в надежде на поддержку. И не только поглядывают, но и стремятся установить взаимовыгодные связи. Но предприниматели здорово напуганы наступлением властей на «Бизнес» и, не оставляя надежд на поддержку третьего сектора, ведут себя очень осторожно.

Исполнительная власть тоже не оставляет своим вниманием третий сектор. **Федеральная власть предприняла попытку взять его под контроль, собрав в ноябре 2001 г. Гражданский форум** — около 4 тыс. представителей различных НКО. Идея состояла в том, чтобы на этом форуме избрать Гражданскую палату, через которую президент и его администрация могли бы осуществлять контроль над гражданским обществом. Российское гражданское общество отнеслось к этой идее с подозрительностью.

Идею о выборах Гражданской палаты осуществить не удалось именно из-за сопротивления представителей НКО. После этого руководители самых известных правозащитных и других общественных организаций были приглашены стать членами президентской комиссии по правам человека.

Пока, увы, власти не относятся к гражданскому обществу как к равному партнеру и не очень-то считаются с мнением граждан по самым важным для них вопросам.

Включение активистов НКО в президентскую комиссию по правам человека создало для них возможность контактов с администрацией президента и самим президентом. Теперь можно напрямую или почти напрямую. Это не означает, что эти проблемы стали разрешенными.

В нынешних российских условиях третий сектор остался единственным оплотом гражданской независимости. Конечно, этого недостаточно для полноценного функционирования гражданского общества. Для обретения независимости законодательной власти от власти исполнительной необходимы сильные политические партии, выражающие интересы разных групп российского населения.

Без независимых СМИ и общество, и власть утрачивают реальное представление о процессах, происходящих в стране и, следовательно, не могут принимать разумные решения по жизненно важ-

ным вопросам. Экономика не может нормально развиваться, если ее развитие зависит более всего от бюрократов, стимулы которых почти никогда не совпадают со стимулами развития бизнеса, а то и просто и противоречат. Ни одна из этих проблем не может быть решена силами только третьего сектора.

Однако у третьего сектора есть и собственные проблемы его внутреннего развития, которые усугубляются неблагоприятными условиями в стране. В третьем секторе идет работа по анализу его внутренних проблем и поиски их решения. В течение последнего года несколько собраний общественной организации Народная ассамблея были посвящены дискуссиям о характере российского гражданского общества, поиску наиболее эффективных путей его развития и деятельности. В апреле нынешнего года состоялась дискуссия активистов НКО и дружественных им представителей экспертного сообщества на тему «Российская общественность: кризис идентичности».

Современные обстоятельства российской общественной жизни с очевидностью фиксируют некую развилку в процессе формирования (развития) «структур гражданского общества». Постсоветский, переходный этап «гражданского становления», по всей видимости, пройден. Характерное для этого этапа параллельное, почти не соприкасающееся сосуществование опыта «советской общественности» и привнесенных традиций западной **гражданской культуры** — **себя исчерпало.**

«Исчерпало» с точки зрения неспособности обеих моделей «общественного участия» обеспечить дальнейший рост эффективности гражданских организаций в деле формулирования, продвижения и защиты общественных интересов. Оба «направления» в своем *рафинированном* виде явно бесперспективны:

- «советский коллективизм» окончательно утратил мотивационную ценность, так и не переродившись в новые формы общественного капитала;
- традиция прочной посредническо-распределительной связи «советской общественности» с государством хоть и нашла свое, вполне позитивное, продолжение в практике многих ветеранских, инвалидных и женских организаций российского некоммерческого сектора, но не привнесла во взаимоотноше-

- ния власти и общества ни нового, более адекватного обстоятельствам, гражданского содержания, ни новой, более адекватной уровню проблем, гражданской энергетики;
- многие технологии гражданской активности до сих пор так и не укоренились в российском обществе, и для удержания их требуется время и усилия науки, образования;
 - гражданских организаций и практик, гармонично вплетенных в ткань российской жизни, не много: советы ветеранов, «солдатские матери», инвалидные общества, ассоциации репрессированных. Из технологий: протестное пикетирование, бесконечные мероприятия, корпоративная гуманитарная помощь малоимущим, просительское и «челобитное» лоббирование и т. п.;
 - «переговорные площадки», «гражданские экспертизы», «общественный контроль», межотраслевое гражданское взаимодействие и другие, новые для России, гражданские технологии остались прерогативой очень немногих «элитных» организаций; в ряде случаев эти технологии безжалостно имитируются, становясь «гражданской модой»;
 - многие из существующих сегодня организаций создавали себя и свое дело, не опираясь на общественный заказ, а откликаясь на стимулы, создаваемые государством, донорами или своими лидерами.

Вместе со всей страной российское гражданское общество переживает своего рода кризис идентичности. Постсоветской ответственности известны лишь две модели самореализации:

- «советская», основанная на участии общественности в распределении между нуждающимися государственных ресурсов;
- «западная», основанная на защите общественных интересов в опоре на собственные ресурсы гражданского общества.

Соответственно, в поисках идентичности раздваивалась и сама общественность. Одна часть активистов и организаций, отстаивая общественные интересы, взялась дополнять и обслуживать социальную функцию государства.

Другая часть пыталась решать проблемы общества, апеллируя к гражданской активности населения и опираясь на поддержку доноров, в основном западных.

Социальная эффективность обеих моделей в современной России явно ограничена, поскольку страна перестала быть «советской» и не стала «западной».

Существует масса общественных интересов, для продвижения и защиты которых обе модели «общественного участия» очевидно непродуктивны. Например, потребность населения в защите трудовых прав: потребность налицо, но «обновленные государственные профсоюзы» (ФНРП) так и не стали коллективным защитником прав наемного работника от произвола работодателя; сегодня они медленно и нервно загнивают, проежая гигантскую «оздоровительную» собственность.

Новые «свободные профсоюзы», созданные на рубеже 1980-х и 1990-х гг., как правило, по американской модели, в подавляющем большинстве к середине 1990-х гг. умерли, не выдержав отобрания соцстраха, безденежья и пассивности членов. Что касается индивидуальной самозащиты трудовых прав, то российским наемным работникам пока не хватает правовой культуры и гражданской смелости (средний российский работодатель суров и бескомпромиссен в защите своих интересов).

Обе модели гражданской деятельности оказались неэффективными в обществе, которое после шока «деколлективизации» **разобщено**, в котором **господствует недоверие** всех ко всем и где у граждан **отсутствуют навыки, рефлексыв общественной самоорганизации** для защиты общественных же интересов.

Необходима искренняя вера граждан в государство как основополагающий общественный институт, как главный гарант благополучной частной жизни. Такие люди в России есть, но их число **стремительно сокращается**, под давлением социально-экономических реалий.

Для укоренения новой российской общественности, ориентирующейся на гражданские практики, необходим достаточно высокий уровень гражданского межличностного доверия, а также опыт и стремление населения к коллективному отстаиванию однотипных частных интересов. Таких людей мало даже среди гражданских активистов.

По сути, в современной России большинству гражданских активистов даже либерального толка просто не к чему апеллировать в согражданах: последние не верят ни друг другу, ни государству.

Последний оплот социума — семья, но и она подвергается таким испытаниям, что вряд ли в обозримом будущем сможет стать общенациональным источником пополнения общественного капитала.

Одна из основных проблем — кризис мотивов гражданской деятельности: количество людей, готовых тратить свое рабочее или свободное время на формулирование, представление и защиту общественных интересов, не увеличивается, а в некоторых сферах гражданской деятельности даже уменьшается.

Латентная доля людей, предрасположенных к гражданской самореализации, в России не меньше, если не больше, чем во многих других странах, но для подавляющего числа представителей этой «доли» **смысл и цена** гражданской самореализации в сегодняшней России не очевидны. Существующие гражданские практики далеко не всегда помогают ответить на вопрос: *зачем они нужны и какова их эффективность* с точки зрения продвижения и защиты общественных интересов.

Российскому гражданскому обществу нужны свои, **общественные источники** и мотивы активности, независимые от позиций и поддержки западных коллег или российского государства.

Вполне созидательным для формирующегося гражданского общества может представляться и спрос российского государства на **«гражданские услуги»** в виде политической поддержки, социального посредничества и общественного представительства. Но, по-моему, есть что-то патологического в том, если российское гражданское общество будет и дальше существовать и развиваться почти исключительно в рамках этих двух «заказов».

Тем более что у нас есть успешный опыт прямых общественных инициатив, вполне самоценных и укорененных в российской жизни. Речь о «солдатских матерях», безраздельно доминирующих во всех гражданских рейтингах и известных даже граждански необразованным людям. Секрет их успеха очевиден: организации «солдатских матерей» одни из немногих в России опираются на реальный общественный спрос такого накала, что он порождает и реально добровольную общественную поддержку в максимальных для России человеческих и прочих объемах. При этом в основной своей массе «солдатские матери» вполне деидеологизированы, достаточно удалены от основных «заказчиков» и одновременно эффективно ис-

пользуют как «западный», так и государственный и бизнес-ресурс в своих интересах.

Как мультиплицировать их феномен? Чем заменить накал материнских рефлексов в стимулировании общественного участия?

Сегодня перед новой российской общественностью со всей очевидностью и тревожностью встают очень интересные вопросы:

1. *Как и из чего в России начинает формироваться новый общественный капитал?*
2. *Как может этому способствовать тончайшая прослойка гражданских активистов?*
3. *Если уж эти активисты есть, а стабильного «народного спроса» на их активность нет, то как такой спрос стимулировать?*
4. *Каким должно быть российское гражданское общество, в чем его качественная определенность?*
5. *В сравнение с европейскими гражданскими обществами российское гражданское общество просто отсталое или иное?*
6. *Если нас не устраивает современное российское гражданское общество, и уже тем более если его нет, то в каких процессах и явлениях общественной, политической, экономической и духовной жизни России истоки новейшего или будущего гражданского общества?*
7. *Каковы основные векторы его развития? Какие ростки нового, «гражданские точки роста» требуют наибольшего внимания и поддержки?*
8. *Какие формы объединения под общественный интерес более всего нам подходят: массовые членские организации, клубные объединения, «штабные организации», временные инициативные группы, «мобилизационные организации» и др.? А если и то и другое и третье, то, что делать с очевидной тенденцией фактического перерождения всего разнообразия форм в одну — «штабную».*
9. *Какими могут быть мотивы и стимулы гражданской активности в современной России?*
10. *Что, кроме серьезных денег, может заставить молодого человека после окончания вуза пойти работать менеджером в гражданскую организацию?*
11. *Что может заставить разумных мужчин и женщин в детородном возрасте свободное вечернее время тратить не на де-*

тей или развлечения, а на исполнение общественного долга в правлении Общества защиты прав потребителей или в пикетах против вырубки близлежащего леса?

12. *Где брать ресурсы для гражданской деятельности, если отечественной «граждански мотивированной» благотворительности пока нет, западные доноры не всегда адекватны, а большая часть населения пока неплатежеспособна в отношении социальных и гражданских услуг НКО, да и сами эти услуги либо отсутствуют, либо низкого качества?*

Общество индустриальное характеризуется заводским способом производства, при котором миллионы работников выполняют примерно сходные по сложности трудовые операции, имеют примерно одинаковые условия жизни и, в связи с этим, примерно одинаковые общественные интересы — классовые и групповые. Именно эта одинаковость порождает условия для возникновения массовых политических партий и массовых гражданских инициатив, которых не было в доиндустриальных обществах. Государственная машина такого общества также настроена на удовлетворение массовых однотипных интересов (запросов).

Могильщиком такого общества является прогресс, в результате роста производительности труда, скорости перемещения в пространстве товаров людей и информационных потоков труд большей части работников индустрии становится ненужным.

Общество постиндустриальное характеризуется тем, что большая часть его членов выполняет уникальную работу, преимущественно интеллектуальную или творческого характера и чаще всего в домашних условиях. При этом каждая семья одновременно имеет возможность своим трудом обеспечивать себя необходимыми продуктами питания, предметами быта и услугами, затрачивая на это относительно небольшую часть рабочего времени. Понятно, что в таком обществе нет места ни для массовых политических партий, ни для массовых общественных движений. Как и для бюрократии в ее старом виде.

Наше общество сегодня находится в состоянии перехода от общества развитой индустрии к постиндустриальному обществу. То есть мы *не отстали*.

С институциональной точки зрения, если смотреть непредвзято, развитие России не сильно отличается от развития Германии. Обе

вышли из Первой мировой войны с разрушенным хозяйством, обе совершили мощную индустриализацию, технологической вершиной которой следует считать создание ракетного оружия и выход на атомную энергетику.

В этом процессе активно эксплуатировали *народный энтузиазм и жестоко подавляли инакомыслие, в обеих странах почти одновременно была уничтожена многопартийность и изобретены концлагеря.*

Отличались только риторикой вождей, и потому сошлись в смертельной схватке. После войны европейскому обществу предложена американская социальная модель и советская.

В 1991 г. в силу исчерпания *ресурсов развития* вне демократии СССР рассыпался, неожиданно, но закономерно, как происходят все катастрофы. Общество распалось до уровня семьи и в некоторых случаях до индивидуума. И из этих частичек (индивидуумов) собирается в условиях новых законов то общество, которое должно быть наиболее производительным и наиболее гуманным.

Формирующееся общество (к сожалению почти эволюционно) имеет всего **два источника развития.**

Одним источником — и наиболее заметным — являются экономические интересы других стран, нуждающихся в сырье, энергии. При малых рисках развитые страны будут инвестировать в добывающую промышленность и даже в воспроизводство социально-политических структур, характерных для них самих. В результате они имеют вполне реальное сырье и вполне реальные имитации не только политических партий и гражданского общества, и в создание эффективных структур управления (даже государственного). При этом конечно экономическая эффективность останется главным критерием инвестиций.

Другой источник — самостоятельность граждан в вопросах самообеспечения и процессы самоорганизации. Уже сегодня мы имеем страну, жители которой без смуты научились обеспечивать себя минимумом, не прекращая учить, лечить, строить выращивать хлеб и т. д. за символическую плату. И многие этим довольны: голосуют за такую жизнь.

Российская реальность сегодня имеем непризнаваемые нами успехи, но материально ощутимые (по результатам) ростки современного постиндустриального общества.

В итоге носители идеи догоняющего «Запад» развития *объективно* не нужны большей части соотечественников, и чем дальше — тем больше не нужны. И это нормально, а вот «пессимисты — догоняльщики» представляют собой уходящую эпоху и выступают в роли тормозов эволюционного процесса.

Предлагаемые пессимистами ценности все из прошлого и крайне вредны: они как бы убеждают людей, что лапти для России практичнее кроссовок.

Ключевым для решения задач ускорения развития является сознательное изменение восприятия всеми нами:

1. *Объективной оценки происходящего.*
2. *Нового отношения к событиям.*
3. *Принятия новой парадигмы развития.*
4. *Отказ от сравнений с «Западом» и от попыток заимствования.*
5. *Найти слова и технологии для диалога с властью и с бизнесом.*
6. *Изменить самих себя, пересмотреть свою миссию в этом мире.*
7. *Считать своим долгом (своей миссией) поддержку всех гражданских инициатив, процессов самоорганизации граждан, процессов спонтанной структуризации общества.*
8. *Свободу постоянно продвигать.*

Общественная активность происходит через неполитические — через маленькие организации. Всех возможностей экспертного сектора в сообществе мы не исчерпали.

Общественное реформирование, гуманитарное развитие общества, формирование гражданственности на основе въевшегося в сознание и определяющего мотивацию поведения мнения жителей России: **«От меня ничего не зависит...»** Именно это отставание блокирует наиболее эффективные механизмы модернизации России.

Все надежды на образование, науку и новое поколение молодых.

Коллективная монография «Роль науки и образования в модернизации экономики России» подготовлена авторским коллективом в составе:

А. И. Шишкин — д. т. н., профессор, заслуженный экономист Республики Карелия, директор Института экономики Карельского

научного центра РАН, заведующий кафедрой «Управление и экономика» Петрозаводского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики;

Т. В. Сачук — д. э. н., заведующая кафедрой «Экономика и финансы» Карельского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

В. М. Пивоев — д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой «Культурология» Петрозаводского государственного университета;

Г. В. Гиенко — к. э. н., доцент, почетный работник высшего образования РФ, Первый заместитель декана экономического факультета Петрозаводского государственного университета, заведующий кафедрой «Теоретической экономики и государственного и муниципального управления» Петрозаводского государственного университета, доцент кафедры «Управление и экономика» Петрозаводского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики;

Б. М. Адаев — к. э. н., доцент кафедры «Менеджмент» Петрозаводского государственного университета;

И. В. Левкин — к. э. н., доцент кафедры «Менеджмент» Петрозаводского государственного университета;

Л. И. Розанова — к. э. н., доцент, старший научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра РАН, доцент кафедры «Управление и экономика» Петрозаводского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики;

С. В. Степанова — к. э. н., научный сотрудник отдела проблем региональной экономической политики Института экономики Карельского научного центра РАН, доцент кафедры «Управление и экономика» Петрозаводского филиала Санкт-Петербургского университета управления и экономики.

Введение, раздел 1 — А. И. Шишкин; раздел 2 — Г. В. Гиенко, Б. М. Адаев; раздел 3 — Л. И. Розанова; раздел 4 — Т. В. Сачук; раздел 5 — Н. В. Левкин; раздел 6 — В. М. Пивоев; разделы 7, 8 — С. В. Степанова.

РАЗДЕЛ 1

Модернизация

Термин *«modern»* звучит с начала XVI столетия, когда европейцы задумались о выходе из дикости *средневековья*.

Представление об исторических процессах развития сложилось у философов в давние времена и не отличается разнообразием (**прогресс, регресс**). Только XX в. добавил к ним **динамику (колебания)** и все усложнил вероятностными факторами развития (колебаниями-кризисами). Сегодня это в науке нашло понимание как **философия нестабильности** (И. Р. Пригожин [2]).

Признание **регресса** означает, что люди стали не те (*моральные качества и способности падают*), что все хорошее в легендарном прошлом. «Богатыри — не мы!», все движется к катастрофе. Это идея античности и основа всех религий (*христианства, иудаизма и ислама*). В итоге этот подход к историческим процессам порождает иррациональный пессимизм и рациональную ложь *о потусторонней счастливой жизни*.

Цикличность времени — это представление о времени на основе природного круговорота. За летом осень, за осенью зима (затухание жизни, но солнце вернется и возродится жизнь, и так будет всегда). В итоге — все предопределено, все возвращается на круги своя. В законе мироздания сказано: «Что было, то станет». Попытки изменить общество — не дают результатов, более того, вредны. Остается избегать изменений, новшеств. Это **и есть воинствующий пессимизм** (основа фундаментализма в XIII в.).

Модерн — понятие основанное на осознании прогресса: весь мир развивается и более того развивается с ускорением. Все сегодня становится лучше, чем вчера. Это и есть ничто иное, как **продуктивный оптимизм**. Герой Высоцкого заявляет (фильм «Сказ про то, как царь Петр арапа женил»): «Мы же цивилизованные люди, в восемнадцатом веке живем!» **Продуктивный оптимизм — основа развития общества.**

Китайцы изобрели компас, порох, бумагу и бумажные деньги. **Арабы** создали науку о химических процессах, заимствовали у индийцев и затем передали европейцам современные цифры.

Славяне в преддверии феодализма изобрели массу новшеств, которые римлянам *с их рабским трудом* не были нужны (*подъемный кран и ручную тачку с колесом, при помощи которых возводились и готические замки в Европе*).

Варварам удалось придумать стремена и комфортно сесть на коня, создать доспехи рыцаря и покорить Европу.

Монголы, увеличив скорость передачи информации и перемещения войск (*пересадка в пути на запасную лошадь*), покорили полмира.

До XX в. все **инновации носили очаговый характер** и серьезно раздражали религию (*контролировались инквизицией*). Ватикан осудил Галилео и сжег Джордано Бруно на площади Цветов. У религии была своя логика: «...если наша Земля не центр мироздания, если миров множество, то чем объяснить единство иерархии, на вершине которой находятся Римский Папа?» [4].

Жизнь в течение двух-трех столетий доказала церкви, что игнорировать новшества означает потерять власть. С начала XX в. инновации определили развитие индустрии и капитализма.

Сегодня **пресвященный оптимизм** в условиях запуска инновационного развития (*как элемента модернизации*) приобретает массу материальных доказательств, стоит посмотреть вокруг себя, где бы вы не находились (*в быту, на производстве, в науке и образовании*).

Теория модернизации возникла в США после победы 1945 г. над фашизмом стран союзников. Американская наука с большой надеждой и хорошим финансированием успешно работала над ее принятием в других странах для разъяснения: «Кто хорошие парни в этом мире, а кто — негодяи». Теория стала успешно распространяться в США и Европе.

В 1950–60-е гг. сформировались основы теории модернизации:

1. *Социальные и экономические изменения не являются линейными.*
2. *Неразвитые страна должны пройти свой путь.*
3. *Изменения ведут процесс развития к модернизации.*
4. *Модернизация имеет постоянный и накопительный характер.*
5. *Все стадии обязательны и более того последовательны.*

В 1964 г. эти основы теории модернизации существенно подверглась критике в Израиле (Шмуэль Айзенштадт) [12] были выявлены серьезные отличия американского капитализма от европейского и тем более от азиатского. Это в последующем позволило говорить о множестве современностей, о множестве вариантов модернизации. Следовательно, лидерство США следует признавать только как один из возможных путей в решении вопросов модернизации.

Появляется мнение о том, теория модернизации неспособна вывести отсталые страны (*страны «третьего мира»*) из отсталости, если они интеллектуально зависимы. Так как движущей силой модернизации является человеческий капитал (**уровень образования и науки, уровень культуры и религии**).

Впервые об этом достаточно уже достаточно уверенно заявил Макс Вебер, говоря о роли экономического человека в модернизации экономики, понимал всю сложность исторических процессов (*их многомерность по горизонтали и многоуровненность по вертикали*), вероятностный характер их развития, зависящий от множества факторов (*позже по Пригожину философия «нестабильности»*) [6].

В 1970-е гг. началось сближение точек зрения о модернизации между «первым» и «вторым» мирами, которое получило название «разрядка». Это создало предпосылки для теории конвергенции (А. Д. Сахаров) [7].

Немецкий подход к модернизации по Кольберу¹, который докладывавая Людовику XIV, что у голландцев 17 тыс. кораблей, и выразил восторг: как эта кучка прижимистых кальвинистов смогла на болоте, без корабельной сосны и множества других ресурсов, создать флот и захватить мировую торговлю. Модернизация науки и образования была у кальвинистов в обучении и в умении организовать труд. Соотечественники Рембрандта поставили сборку кораблей на поток (за 500 лет до Г. Форда)².

¹ Жан-Батист Кольбер, в 1665–1693 гг. министр финансов Франции.

² Балтийский лес везли уже распиленным под нужные размеры, с **предоплатой** через первую **в мире торговую биржу**. В Голландии хорошо обученные исполнители, квалифицированные и высокооплачиваемые работники, собирали за два месяца корабль. Большое количество инноваций (экономичных и удобными ручных механизмов управления кораблями) позволил голландцам господствовать на море. Корабль можно было использовать в бою, но голландцы предпочитали другое оружие – знания и про-

Кольбера следует признать создателем теории **догоняющего развития** государства. При нем Франция с пышным дворянством после изгнания протестантов-гугенотов (*в основном предпринимателей*) **безуспешно** стала внедрять голландские новшества. Результат был плачевным, даже гроб Кольбера на его похоронах пришлось ограждать от возмущенных французов, несогласных с его реформами. По аналогии и в России было мало тех, кто оплакивал **смерть Витте или Столыпина**. Все догоняющие модернизации авторитарны и сопровождаются массовыми страданиями в бедности (*затянем пояса сегодня, завтра будем сыты и одеты...*). И дело не в больших налогах, которые обоснованно растут при модернизации, а в том, как и на что они расходуются. Модернизация это не реформы, это в первую очередь **реформация** (культура, образование и наука) это развитие личности и в первую очередь трех составляющих капитала личности (**здоровье, образования и собственности**).

Из истории Франции и царской России известно, что приходилось обеспечивать высокий уровень жизни многочисленного дворянства. При этом на ренту с низко производительного крестьянского труда претендовали дворянство и государство, что создавало нищету и недовольство, переходящие в бунты, восстания и революции.

Капитализм, как и социализм, начинался с революций. Восстания, войны и реформы в Голландии, Англии и Америке привели к спешной модернизации экономики, на основе особой **протестантской этики** и устойчивой политической структуре общества на основе этических норм. Преодолев «деспотизм» общество этих стран (*его составляющие: классы, сословия и национальности*) созрело для сотрудничества.

Зрелость готовности к сотрудничеству в прошлом веке проявилась трижды: Ф. Рузвельд (США выход из кризиса в 30-е годы «Новый курс»), Л. Эрхард (восстановление послевоенной Западной Германии на основе создание социальной рыночной модели экономики) и Е. Гайдар (возврат России из «Зазеркалья» в сферу нормальной экономических процессов). У Эрхарда и Гайдара много общего в понимании проблем, в желании вывести свои страны и

фессионализм в работе с деньгами, которые стали зарабатывать на транспортных услугах от Японии до Архангельска.

депрессий после контузии фашизмом и «развитым социализмом». Очень разное состояние экономик: в Германии преобладал физический недуг при готовности к модернизации. В России было только недовольство ситуацией, все **«хотели как лучше»**, но никто не сказал (просто никто не знал) как это сделать и **«получилось как всегда»** (по В. Черномырдину).

Но уже в 1992 г. российское Государство, российский Бизнес и Труд (*простой народ: фермеры, ремесленники и прочий малый бизнес*), благодаря демократическим преобразованиям (*свобода слова, частная собственность и работающие деньги*), сформировали достаточно устойчивый триумвират **«Власть — Бизнес — Труд»**³.

Силы этих трех актеров оказались равны, в этом главный фактор развития России в конце прошлого столетия и первого десятилетия XXI в. (до 2008 г.).

Но начиная с 2009 г. названному триумвирату для развития социальных и экономических успехов России явно недостает идеологического обеспечения модернизации, *обеспечения гражданского согласия*, без согласия трудно сохранить тренды развития экономических и социальных процессов.

Уже в прошлом «укрепление вертикали власти», «воспитание» бизнеса и профсоюзов, после этих научно необоснованных примитивно бюрократических (*ошибочных*) действий Власти состоялась попытка запуска процесса самоуправления (*местное самоуправление, к стати тоже недостаточно научно обоснованного*). За этими в основном политическими процессами плохо успевают угнаться законодательное их обеспечение и совсем отстает воспитание и образование *готовность личности*. Наука управления в шоке от «ручного управления даже без компаса». Спасает то, что россияне уже привыкли к шоковой терапии и ручному управлению в век новых информационных и кибернетических успехов.

Господствующий сегодня в науке либеральный идеал модернизации — создание общества гражданской свободы упрощает понимание, но при этом затеняет то, что Россия уже трижды принципиально модернизировалась. Трижды выходила в лидеры в мировом

³ Под трудом подразумеваются все формирующиеся гражданские институты по защите прав личности, продающей свой труд (как капитал личности).

сообществе (Иван Грозный, Петр I и И. Сталин). Это были успехи тоталитарного пути развития «абсолютно ручного управления без компаса». В XXI в. это не проходит даже в Северной Африке.

Экономические и социальные процессы во всех странах изменились: произошли техническая и информационная революции, колоссально возросла производительность труда, скорость перемещения в пространстве товаров и труда, почти стерлись границы между государствами. Тоталитарность просто не проходит даже в виде махрового фашизма или религиозного фанатизма (*последний ушел из реальных процессов в нелегальный терроризм*).

В динамике сложившихся экономических и социальных трендов модернизация, несомненно, связана с самодисциплиной, с умением следить за средствами, за методами управления и за развитием общества во времени. Фундаментом для этих процессов является культура, этические нормы общества, особенности национального характера, а развивается это (*воспитывается в современных условиях*) образованием и современной наукой без страха, принуждения и муштры⁴.

Немецкие реформаторы (среди них Клаузевиц⁵) из войны с Наполеоном извлекли уроки: отменили сверху крепостное право, основали Гумбольдтовский университет (*где аттестация профессуры стала зависеть от исследовательских результатов*), а от чиновников требовали дипломы об образовании. Пример результативности этой модернизации: *поколение спустя полковнику Сименсу было приказом предложено стать частным предпринимателем и наладить связь в германском государстве. В рамках одного поколения компания «Сименс» закладывает основы электротехнической индустрии в Японии и в Российской империи.*

Германский тип модернизации импонирует государственным реформаторам в странах где амбиции власти иногда и элиты общества, не находили достаточной опоры в местном капитале, который

⁴ Немцев со всей их муштрой разгромил Наполеон. Революционных французов отличали гражданское воодушевление и техническое экспериментирование.

⁵ Студент Канта, генерал-майор, автор трактата «О войне», фон Клаузевиц воевал в русской армии и даже возникает на страницах «Войны и мира».

оказывался склонным к элементарному экспорту сырья и импорту предметов роскоши. Этого в свое время не избежали Швеция, Италия, Турция, Бразилия, Японии и сегодня Россия. Данный тип модернизации ничто иное, как **активная адаптация** в условиях догоняющего развития при явно недостаточной сформированной рыночной (*и в первую очередь непринятой обществом*) **Среды**.

Господствующий сегодня у нас в России либеральный идеал модернизации как общества гражданской свободы заслоняет, вообще-то, очевидный факт [4]. То, что Россия издавна типично модернизационное государство, трижды выходившее на мировой уровень. Почти все прежние русские модернизации носили **деспотический характер**. При этом все успехи в развитии заходили в тупик, из-за своих успешных результатов, которые создавали новые требования к **Власти, Бизнесу и Труд**у, а не готовность общества (*большая инертность социальных процессов*) к этим новым требованиям мешало **выходу России наследующий уровень развития**.

Модернизацию **петровской России** (1689–1725) можно считать успешной. Видимо, сказались последствия смутного времени Ивана Грозного, который перенес на управление Россией турецкую модель деспотии: стрельцов-янычар, кавалерию помещиков, приказы и вседозволенность опричнины. Репрессии и колоссальные изъятия податей (налогов) власти спровоцировали катастрофический голод и бунты, которые вызвали распад государства. Десятилетия спустя распад был преодолен в отчаянной ситуации **на основе** консолидации общества под угрозой гибели: горожане Поволжья добровольно обложили сами себя податями ради самообороны от грабителей: самоорганизовались и победили.

Петровская модернизация носила организационно правовой характер, а методы были деспотические. России их приняла, перетерпела и сделала колоссальный скачок, став империей с рабским трудом (*крепостничеством*) в основе. Петр I (1672–1725) пересаживал европейские инновации абсолютистскими средствами прусских военных с разницей во времени в два поколения. И боролся не только с традициями, но и с институциональными основами предыдущего модернизационного рывка (**И. Грозного**): ликвидировал стрелецкое войско и «приказную систему», существенно сократил власть религии, реформировал элиту (помещиков в дворян).

Петровская модернизация (*деспотическая, догоняющего характера с благородными целями*) была успешной для России по всем экономическим и социальным параметрам. Территория и ресурсы империи значительно выросли. Россия победила постоянных противников поляков, шведов, персов и турок. Во второй половине XVIII в. Россия стала сверхдержавой, в 1815 г. оккупировавшей Париж.

Новое поколение развитых государств опиралось на крупные армии с огнестрельным оружием, поддерживаемые мощным налоговым аппаратом. В итоге в этих государствах сформировались на основе имперских успехов **централизованные деспотии**, укрепились консервативные религиозные идеологии, призванные бороться с ересью (*в первую очередь с той Наукой, которая подрывала устои религии*).

Исключение составляет модернизация начатая в 1885 г. **Александром II (1818–1881)**, который под влиянием научных достижений 19 столетия и постоянной переписки с президентом США **Линкольном (1809–1865)** запустил модернизацию российского государства, отменив крепостное право (1861 г.), начал реформы земства, судебную, военную, экономическую (*содействия власти развитию капитализма*). Свобода крестьянского сословия и улучшение условий для развития капитализма ознаменовались присоединением к России (как успешно развивающемуся государству) Кавказа (1864 г.), Казахстана (1865 г.), большей части Средней Азии (1865–1881 г.). Государственный аппарат империй (*бюрократия*) проявил уже в то время колоссальный консерватизм. Судьбу этой либерально — демократической модернизации решили народовольцы: четыре покушения приостановили реформирование России до 1917 г. Линкольн убит наемником (агентом [8]) плантаторов-рабовладельцев.

Трудно доказывать то, что модернизация Александра II была успешной, еще более трудно говорить о том, что продолжение позволило бы избежать многих революционных потрясений. Но потенциально она могла бы быть лучшим образцом⁶. Модернизация

⁶ В истории «лучшими» модернизациями являются: запрет на мореплавание (наложенный китайским мандарином), гонения испанской инквизиции (шаха Аббаса, военачальника Хидэеси, султана Селима Грозного).

Александра II проводилась медленно, осторожно три десятилетия. Потенциал реформ был настолько велик, что их результат мог бы вывести Россию в число ведущих стран к концу XIX столетия.

Исторический экскурс в этапы модернизации России в целом свидетельствует о том, что сложился стереотип долгого «запрягания — раскачивания» и «быстрой (*даже поспешной*) езды» с колоссальными усилиями воли и затратами на завершающем этапе.

В результате важных, но половинчатых реформ Александра II в России возник развитие раскол элит: на абсолютистских консерваторов (отстаивающих свои привилегии на должности и доходы с поместий), и элиту склонную к радикализму — интеллигенцию, чьи современные профессиональные знания не находили ожидаемого применения. Этот этап модернизации Александра II создал возможность писать великие романы, спорить о проектах переустройства мира, ходить в народ и, к большому сожалению, метать бомбы.

Из-за консерватизма Власти империй и быстро формирующейся бюрократии многие государства встав на путь модернизации не смогли вовремя перейти на следующую волну развития.

Периодами постепенной второй российской эволюционной модернизации были годы правления Екатерины II и годы реформ Александра II. Поражение в трехлетней Крымской войне (1856 г.) и смерть Николая I приоткрыли историческое окно возможностей **Александрю II Освободителю**.

Успех на любом уровне, на геополитическом особенно, располагает власть держащих к сохранению престижа, к устойчивости. Поэтому соратники Александра II не смогли вовремя отменить крепостничество, реформировать армию и перейти от крепостничества к капитализму, который гарантировал индустриализацию России.

Куда большее «созидательное разрушение» проявится в следующей **третьей модернизации** после 1917 г. Как обычно, революцию спровоцировало унижение консерваторов в 1905 и в 1917 гг. (*прогрессивная интеллигенция дважды брала власть*). В отличие от кадетов и от эсеров, растерявшихся перед бездной внезапно открывшихся проблем. Победой большевики обязаны не только научной доктрине К. Маркса, но и успешному применению передовых практик немцев (*генерала Э. Людендорфа и промышленника — капиталиста В. Ратенау*).

В результате в России получился новый вид государственной власти — *партийная бюрократия*, не предусмотренный даже самим М. Вебером. Эта власть совместила научно — организационную мощь централизации с идеалистическим обеспечением (*утопической верой в светлое будущее «Коммунизм» на уровне религии*).

Наука и ее политические оппоненты определили **партийную бюрократию**, как тоталитаризм и объяснили (*к сожалению россиян*) склонностью российского общества к «сильной руке», к деспотизму.

Сегодня все понимают, что управлять поведение человека можно с помощью трех групп факторов: («**Деньги, Страх и Совесть**»).

В условиях построения коммунизма «Деньги» принципиально отвергались, «Совесть» в условиях дефицита оказалась беспомощной и настолько деформировалась, что купить товар из под прилавка считалось успехом. «Страх» остался любимым и единственным инструментом управления социально-экономическими процессами.

Тем более ГУЛАГ выявил возможность роста производительности труда в разы с сокращением затрат на труд (как труд рабов). Комсомольские стройки (с привлечением заключенных), где вроде бы должен был работать энтузиазм, тоже подтвердили советским экономистам (политэкономам) эффективность «Страха» как инструмента управления процессом производства.

Диктатура догоняющего развития СССР за одно поколение рывком с колоссальными людскими затратами (*только Беломорканал съел несколько десятков тысяч человеческих жизней*), с контузией российской ментальности преодолела разрыв в научно-индустриальном потенциале между СССР и Западом.

Венчающие этот рывок развития победы над Японией и Германией, плюс ядерный геополитический тупик в холодной войне с Америкой вывели СССР на высокоиндустриальный уровень развития. Создалось индустриальное общество — структурно и идеологически радикально отличающееся от европейского, но сопоставимое с ним по военной мощи.

Сегодня новая модернизация не может быть проведена путем возврата к **диктатуре развития**. История доказала, что это возможно лишь в странах с преобладающим крестьянским населением (*Сталин, Мао, Пиночет...*).

Высоко образованное общество на богатейшей ресурсами территории остановилось в развитии уйдя от тоталитаризма. Диктатура

одной партии, воспитанной в условиях успешной индустриализации, оказалась бессильной в обществе которое сформировалось к последней четверти прошлого столетия.

Об этом свидетельствуют попытки самой КПСС, которая **дважды сама идет на модернизацию через демократизацию** (Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев). Дважды партийные лидеры реформаторы и окрыленное поддержкой научной общественности и значительной частью образованного населения искренне начинают совершенствовать социализм (Теория «развитого социализма»).

В научной и идеологической борьбе сталкиваются два высокоидейных проекта («Капитализм с человеческим лицом» и «Развитой социализм») и оба настроены на модернизацию всего мира. Ее величество диалектика развития — «Практика жизни», последнего десятилетия XX в. отдала победу **«Капитализму с человеческим лицом»**.

Теория модернизации родилась и окрепла в середине прошлого столетия. Она исходит из классических постулатов эволюционизма, причем трактуемых однолинейно: все в природе движется по ступеням прогрессивного усложнения и совершенствования. Сегодня «Модернизация» — усиленно трактуется как способность самоорганизованной общественности научно направлять социально-экономическими процессами⁷. Это ответ на вопрос а управляемы или нет социально-экономические процессы в обществе на демократических основах его организации (без «сильной руки»).

Назначение экономической системы состоит в том, чтобы производить материальные блага и оказывать услуги, которые распределяются в соответствии с правовой системой государственного устройства и этическими нормами в конкретном обществе. Наилучшей из экономических систем та, которая максимально учитываются этические аспекты труда и культуры, позволяющие обеспечить развитие общества в рамках его демократического развития.

Модернизация с 1984 г. в российском сообществе крайне медленно формирует систему взглядов на экономические и социальные явления, которую можно назвать **«философией нестабильности»** и которая является теоретической и методологической основой фундаментальных исследований и восприятия ре-

⁷ Впервые слово «модернизация» прозвучало 1770 г. в работах философа маркиз де Кондорсе.

альной действительности. Данный подход формирует новые **мировоззренческие взгляды**, которые воспитываются школой и университетами. Философия нестабильности при поверхностном ее восприятии, у многих вызывает пессимизм а у старшего поколения даже страх.

«Пламенный позитивист» [3] Е. В. Де Роберти предложил в союзницы для восприятия действительности нестабильных социально-экономических систем биологию с ее теоретико-методологическими основами познания процессов.

Синергетика И. Р. Пригожина совершила переворот в восприятии образа мира у экономистов и социологов. Доказав, что «цивилизация» непрерывно эволюционирует по далеко нелинейным законам (*при этом линейность и упорядоченность — суть, исключение из правил*). Для изучения социально-экономических процессов это дает методологическую базу исследования процессов самоорганизации субъектов экономической и социальной жизни, объясняет процессы поддержания и распада структур (*кризисные явления*) с учетом факторов обмена системы с окружающей средой энергией, информацией и товаром (*веществом*).

Экономика, как наука не только изучения процессов но и управления ими, включает в себя особую этическую (*культурно-идеологическую и интеллектуальную составляющие*) восприимчивость окружающего мира и диалектику его развития.

Современные естественные и точные науки близки к искусству: чувство прекрасного позволяет предугадать рациональное поведение живых организмов, наиболее эффективное очертание конструкции и вид уравнения электрона. Физики и геологи познают информацию многомиллионной давности из камня.

Эмоции ученых перестают считаться недостатком, они нужны для создания новых открытий, новых идеологий и философий. Культура и творчество формируют процесс познания макро и микро процессов, философия помогает воспринимать это познание обществом как проявление законов мироздания.

Здесь уместна реплика для молодого поколения: «Так как адекватное восприятие действительности формируется Средой воспитания, обучения и работы, а вы свободные личности (*спасибо М. Горбачеву и Б. Ельцину*), сами и выбирайте Среду обучения,

общения и работы (проектируют свое будущее). **Ваш успех в ваших руках!**

Наука, Разум и Страсть являются той «нерасторжимой смесью», которая через перераспределение энергетических потоков («степень изменения энтропии») являются движущей силой развития, которая делает человека (*как носителя этой триады*) Творцом природы (по крайней мере своего успеха). Именно это позволяет считать, что социально-экономические процессы в современном обществе управляемы, настолько насколько они познаны наукой и восприняты каждой личностью.

Конечно, останутся и **«барашки, требующие пастуха или кормчего»**, но их будет ровно столько, сколько нужно для оппонирования успехам молодого поколения и нового качества жизни. Так было с теми, кого жгли на костре за то, что «окаянная Земля» вертится, расстреливали за генетику и сажали за джаз.

За последние сто лет множество сложнейших экономических и социальных задач стало выполняться бизнесом, крупными корпорациями, государственными учреждениями, общественными организациями их успехи велики, за счет этого они обладают большой властью и могут влиять на социально-экономические процессы (управлять действиями отдельных лиц и государства). При этом Общество как социально-экономическая система обязано служить каждому отдельному **Человеку**.

Допустимо (*более того очень желательно*), что в силу объективных факторов (*стечения ряда обстоятельств*) или сознательных усилий **Власти, Бизнеса и Общества (осознанного партнерства)** интересы бизнеса в основном совпадут с интересами общества — и это будет большим успехом **Власти**.

Если такого совпадения интересов и целенаправленные усилия **Власть не сможет достичь**, то в ходе функционирования экономической системы будут преследоваться каждым участником данной триады только свои интересы в ущерб общественным. В результате страдают отдельных граждан. При этом **Бизнес** живет интересами одного (*редко двух как в Японии*) поколений, **Личность** — два-три поколения (*от дедов до внуков при условии, что в обществе хорошо защищена частная собственность*). При этом **Власть** все задачи управления обязана решать в парадигме стратегических задач развития страны или региона.

Двойственность модели поведения Власти (для бизнеса или для граждан) в условиях современной рыночной экономики заслуживает особого внимания со стороны теории управления социально-экономическими процессами в контексте поиска механизмов формирования Властью благоприятной партнерской с Властью Среды, для Бизнеса, для Личности и для общественных гражданских организаций.

В 1991 г. в силу исчерпания *внутренних ресурсов развития* индустриальное общество в СССР рассыпалось, неожиданно, но закономерно (*как катастрофа*). В итоге **Общество** в своих интересах сузилось до уровня семьи (*в отдельных случаях до индивидуума — многие не хотят создавать семьи*). Сегодня из индивидуумов нужно «собирать» то **Общество**, которое должно быть после индустриального.

Общество постиндустриальное, на мой взгляд, должно характеризоваться тем, что большая часть его членов выполняет **уникальную работу**, преимущественно интеллектуального или творческого характера в комфортных условиях и чаще всего в домашних условиях. При этом каждая семья одновременно имеет возможность своим трудом обеспечивать себя необходимыми продуктами питания, необходимыми предметами и услугами на уровне своих потребностей с наименьшими затратами.

В этом обществе мало места для политических партий и общественных движений. И государственная машина (**Власть**), и все Мы (**Граждане**) должны жить и работать принципиально по-новому: в рамках парадигмы **«Партнерства Власти, Бизнеса и Сообщества»** принятой согласно Конституции Карелии Законодательной властью.

Литература

1. *Бокарев Ю. П.* Теория модернизации и экономические реформы в России // Информационно-аналитический бюллетень. 2009. № 7. С. 7–32.
2. *Васильева Л. Н.* Наследие И. Р. Пригожина и социальные науки // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 28–37.
3. *Голосенко И. А.* Евгений Де Роберти: интеллектуальный профиль // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 99–108.

4. *Дерлугьян Г.* Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1.
5. *Зайцева Л. И.* Иван Тимофеевич Посошков о богоустройстве русской жизни и России Петра Первого. М.: Институт экономики РАН, 2010. 614 с.
6. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М.: УРСС, 2003.
7. *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. М., 1990. С. 42–47.
8. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.
9. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
10. *Тарасов Л.* Мир, построенный на вероятности. М.: Просвещение, 1984.
11. *Шишкин А. И.* Теория и практика работы академического института с региональной властью, бизнесом и общественностью: препринт доклада «Теория и практика работы академического института с региональной властью, бизнесом и общественностью». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 52 с.
12. *Eisenstadt S. N.* Breakdowns of modernization // Goode W. J. (ed). *The Dynamics of Modern Society*. N. Y., 1964. P. 434–448.

РАЗДЕЛ 2

Роль институциональных факторов в модернизации экономики современной России

Описание экономики России на современном этапе можно провести множеством способов. Однако все они в итоге сойдутся в одном: трансформация экономических отношений, затеянная в начале 90-х годов на сегодняшний день явно не завершена.

И дело не в кризисе 2008–200... гг. Кризис лишь вскрыл «пузырь», образовавшийся в начале 2000-х гг.

Здесь хотелось бы отметить удивительную закономерность. История как всегда оправдывает утверждение, что «все новое — хорошо забытое старое». Ведь проблемы экономики советского периода 1960–70-х гг. очень удачно укрылись под «манной небесной» в виде потока «нефтедолларов». СССР не только не пострадал от мирового энергетического кризиса 1972–1974 гг., но и, благодаря своей закрытости, смог заработать на увеличении мировых цен на энергоресурсы. Именно эти деньги и помогли Советскому Союзу скрывать накопившиеся в результате диспропорций в экономике противоречия до середины 80-х годов.

Практически такой же сценарий развернулся на наших глазах в 2000-е гг. Проблемы экономики конца прошлого столетия померкли в глазах реформаторов от эйфории, возникшей вследствие избыточных инъекций тех же «нефтедолларов». При этом сами проблемы, к сожалению, никуда не делись, их оценка лишь неоправданно была занижена.

И вот мы возвращаемся к современному, «импортному» кризису. То есть считается, что кризисные явления в российской экономике тесно связаны с неблагоприятными процессами в мировой экономике. Здесь требуется уточнение. Связь действительно существует. Только она замыкается на одном лишь факторе — цены на ресурсы.

Факты таковы. Цены за баррель нефти марки брент в 90-х годах не превышали отметки 25 долл. (кроме 91-го года, когда цена взлетела почти до 35 долл). А в 1999 г. даже упала до 10 долл. [1]!

Теперь задумаемся над ролью поступлений от продажи нефти в государственном бюджете. Возьмем только федеральный его уровень. Доля налога на добычу полезных ископаемых в доходах федерального бюджета в январе–сентябре 2009 г. — 31%. Доля поступлений от нефти в НДС — 90,1% [2]. То есть напрямую только в виде НДС в федеральный бюджет от нефти зависит на 27,9%. А ведь косвенно от нефти зависят налог на прибыль, налог на доходы, акцизы и т. д. А есть еще и мультипликативный эффект. Потому получаем, при снижении НДС от добычи нефти в 1,9 раза, что администрируемые доходы снизились на 32% (в январе–сентябре 2009 г. против января–сентября 2008 г. [там же]).

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что реформы не завершены, а напротив, современная ситуация настоятельно требует изменений. Научная проблема заключается в определении способа воздействия на экономическую систему с целью ее оптимизации. Исходя из рационального подхода, должны быть решены три задачи:

- 1) ресурсная — необходимо добиться положительного эффекта при минимальных затратах;
- 2) временная — трансформационные процессы должны укладываться в приемлемые временные рамки (политические процессы, проблема ломки менталитета);
- 3) управленческая — необходимо добиться от рыночной системы максимальной реализации заложенного потенциала саморегулирования (насколько видится, это в свое время был главный повод для реформ).

По нашему мнению одновременное решение данных задач возможно в рамках институциональных подходов в экономической теории (в данной работе не будем их разделять, понимая как принципиальное отношение к экономической действительности).

Наиболее общая характеристика указанного подхода заключается в том, что объектом научного анализа являются особые социальные образования — институты. Наиболее популярна точка зрения Дугласа Норта, который определил институты как разработанные людьми правила поведения (игры) в обществе, включающие в себя

рамки взаимодействия между людьми и механизмы принуждения к исполнению этих правил.

В процессе развития данный подход показал, что институциональная структура общества не просто позволяет сделать срез, «фотографию» существующих экономических отношений, но и объяснить их динамику. Это становится возможным благодаря тому, что институты определяют систему стимулов при использовании членами общества доступных ресурсов. То есть институты ответственны за степень реализации имеющегося у общества потенциала.

Интересно, что в соответствии с современными воззрениями в системологии, существует и обратная связь («обратная петля»): чем меньшими ресурсами располагает общество, тем скорее при прочих равных условиях сформируется его эффективная институциональная структура.

Сами институты состоят из правил — долгосрочных предписаний или запрещений какой-либо социальной деятельности в определенных обстоятельствах, сопровождающиеся санкциями и вознаграждениями. Правила можно классифицировать, к примеру:

- 1) формальные и неформальные;
- 2) конституирующие и директивы и т. д.

Игроками на этом поле выступают организации — группы людей, объединенных для достижения какой-либо общей цели.

Но институты не являются данностями без возможностей изменения. Организации могут влиять на институциональную структуру общества на основе сопоставления относительных цен тех или иных институтов. Здесь правомерно говорить, что институты эволюционируют, развиваются. В теории в конечном итоге выигрывают наиболее эффективные институты с точки зрения относительных оценок, т. е. обеспечивающие больший выигрыш организациям (игрокам), втянутым в конкуренцию за ресурсы.

Из сказанного можно сделать вывод, что в долгосрочном плане институциональная структура играет большую роль, чем содержание экономической системы в настоящее время.

Однако не все однозначно. Использование относительных оценок при отборе институтов ведет к появлению противоречий. Дело в том, что максимальная выгода в долгосрочном периоде может рассматриваться игроками как менее ценная, чем меньшая выгода, но

в краткосрочном периоде (действие принципа ограниченной рациональности). Поэтому в научный оборот введено такое понятие как «институциональная ловушка» (см. подробнее: [5]).

Теперь попытаемся применить данную концепцию в анализе современной экономической ситуации в России.

Тот факт, что благоприятная, с точки зрения обеспеченности ресурсами, ситуация последних 10 лет сама не привела к существенным улучшениям структуры экономических отношений говорит, что институциональные изменения играют в данном процессе важнейшую роль. Такой вывод можно сделать на основании следующих утверждений:

- а) не сформировалась самоадаптирующаяся экономическая система;
- б) не появилось никаких альтернатив в направлении преодоления сырьевой зависимости.

Более того, можно предположить что ситуация усугубилась, и российская экономическая система попала в так называемую «институциональную ловушку»: зависимость от поступлений от нефти сама себя воспроизводит. Причем парадокс управления экономической системой таков, что как бездействие, так и действие государства одинаково нежелательны. Первое — приведет к дальнейшему стихийному нарастанию противоречий в системе. Второе, в краткосрочном периоде приведет к снижению доходов экономической системы, либо увеличит затраты на функционирование экономических субъектов, что в политическом отношении приведет к краху существующих элит, а, значит, рассматривается ими как наихудшая из альтернатив.

Но не будем забывать, государство как система существует не в экономическом вакууме. Оно само выступает в роли экономического субъекта: аукционы на разработку месторождений, транспортировка нефти, участие в капитале сырьевых компаний, доходы от продажи имущества... А ведь у государства есть еще расходы, которые еще более политизированы. Это ведет к тому, что само государство попадает в ловушку относительных цен.

Подтверждением вышесказанному в условиях кризиса выступают меры, предпринимаемые государством для помощи экономическим субъектам. В соответствии с исследованием главное внимание

уделено поддержке крупных и сверхкрупных компаний. Только 35% мер (5% ресурсов) направлено на поддержку малого предпринимательства, 15% мер связано с поддержкой бизнеса безотносительно к масштабам. Интересный факт, который также можно объяснить институциональными факторами: вниманием обделен средний бизнес. Отраслевые приоритеты выглядят следующим образом: в основном поддержкой пользуются автомобилестроение и сельхозмашиностроение, оборонно-промышленный комплекс, агропром, жилищное строительство, а по масштабам выделяемых ресурсов лидером является нефтегазовый комплекс. Как указывают авторы, основными бенефициарами выступают традиционные и наиболее уязвимые сектора [6, с. 51–52].

Но «зацикленность» российского кризиса не означает, что только и остается — смириться с существующим порядком вещей. Реформирование становится нормой для России: реформа МВД, здравоохранения, образования, соцобеспечения и т. д. однако, по достаточно распространенному мнению, «фундаментальная проблема в области разработки и реализации экономической политики в России состоит в отсутствии налаженного диалога между властью и бизнесом» [там же, с. 54].

Но фактически мы должны признать, что институциональные факторы в обществе так или иначе будут эволюционировать и важно регулировать направления этих изменений. Но в данном ключе, как нам кажется, само понятие модернизация означает проактивное отношение государства к действительности.

Существует огромное количество подходов к модернизации. Например, дихотомические, инструментально-технологические, ментальные, исторические, культурологические, цивилизационные [3; 4].

В данной работе будем исходить следующих постулатов:

1. *Модернизация — это процесс приведения в соответствие с современными воззрениями в соответствующих областях.*
2. *Модернизация — это непрерывный процесс, насколько непрерывен поток знаний.*

Важность модернизации экономических институтов, хотя скорее именно государственного их восприятия несомненна. В свою очередь можно привести две тенденции, тесно взаимосвязанные и чрезвычайно важные, которые меняют фундамент экономических отноше-

ний. Это трансформация института собственности и эволюция корпоративного управления.

Отношения собственности являются неотъемлемой частью и базисом экономики в целом и менеджмента в частности. По сути, менеджмент появляется и получает развитие только на определенном этапе формирования отношений собственности в условиях рыночной экономики. Степень влияния данного института на экономическое взаимодействие хорошо иллюстрирует следующий пример. Известный Дуглас Норт в одном из своих исследований предлагает сравнить поддержание системы прав собственности в небольшом американском городке, в котором царит привычный уклад жизни, и в Бейруте 80-х годов, где господствовали уличные беспорядки и анархия. Конечно, не вызывает сомнения, что в случае, когда враждующие между собой группировки пытались перераспределить имущество (или просто поддержать осуществление хозяйственных операций), подобные формы «частного» регулирования оказывались сопряженными с гораздо большими экономическими и социальными издержками.

Эволюция отношений собственности в рамках менеджмента рассматривается следующим образом. На начальных этапах становления рыночной системы капиталисты объединяли в своем лице и поставщиков капитала, и управляющих производством. Это были типичные предприниматели-собственники. Однако с развитием производств, по тем либо иным причинам (уход предпринимателя на отдых, укрупнение производств, поиск дополнительных источников финансирования и т. д.) вопросы управления передаются сторонним работникам.

Этими сторонними работниками могли быть: родственники предпринимателя, инженерные работники и «надзиратели».

В первом случае, когда производство управлялось родственниками собственника («семейная собственность») транзакционные издержки, связанные с передачей управления (доверие, измерение результатов и пр.) минимизировались благодаря неформальным институтам и родственным отношениям. Но данный случай очень подробно исследовался М. Вебером, который и показал основной его недостаток — отсутствуют гарантии эффективного управления, так как «рынок труда», состоящий из родственников чрезвычайно

узок, отсутствует полноценная конкуренция, кроме того в таких организациях начинают превалировать интересы «семьи» над интересами предприятия.

В случае, когда управление передавалось инженерам, предприниматель получал хорошего специалиста в области технологии, но собственно управленческие вопросы оставались за рамками «подбора». Близкая ситуация и с т. н. «надзирателями»: являясь лояльными к предпринимателю, те не менее они не всегда становились хорошими управленцами.

Во всех трех ситуациях проблема была одна: как гарантировать эффективное управление предприятием не самим предпринимателем. И развитый рынок получил систему, которая давала такую гарантию. Это менеджмент.

В России можно сказать, что бизнес проходит те же самые этапы, только в ускоренном темпе, опираясь на опыт развитых стран, и, конечно, со своей спецификой.

Первым этапом становления менеджмента можно считать период функционирования административно-хозяйственной системы в эпоху СССР. В чистом виде это не менеджмент в классическом понимании, а именно наука управления хозяйствующими субъектами в плановой экономической системе. Опыт, полученный в то время, лишь подтверждает основные выводы современной экономической теории прав собственности и теории менеджмента.

Второй этап — это приватизация. В этом периоде имелись две тенденции. Первая — это появление собственно предпринимателей. И вторая — переход части управленцев советского периода в категорию собственников. Очень интересный и противоречивый этап, характеризующийся процессами становления новой экономической системы.

Третий этап, начавшийся в настоящее время (примерно 2005–2007 гг.) — зарождение класса менеджеров в полном смысле этого слова.

Однако мировая история наглядно иллюстрирует принцип непрерывности изменений. И следующий этап уже связан с эволюцией самого института менеджмента.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в начале двадцатого века была ситуация во многом похожая на сегодняшнюю.

В то время в американской экономике получили большое распространение финансовые пирамиды, основанные на владении акциями крупнейших компаний. И каждая американская семья могла приобрести акции фонда, который владел акциями крупной компании. Таким образом американские граждане даже с маленьким капиталом могли стать «собственниками» крупнейших компаний того времени, т. е. каждая «домохозяйка» могла стать капиталистом! Спрос на акции подобных фондов был настолько велик, что вскоре появились фонды, основанные на управлении акциями других фондов и т. д.

С точки зрения теории менеджмента это привело к известному явлению, получившему название «революции менеджеров». Сущность его в том, что пакеты акций крупнейших предприятий Соединенных Штатов Америки, принадлежащие индивидуальным инвесторам, оказались настолько малы, что эффективно контролировать действия менеджеров не мог ни один акционер. Данная проблема была вскрыта в известной работе Берли и Минза.

Таким образом, получили огромную популярность фонды, которые основывались на управлении акциями крупной компании с целью получения дивидендов, а также курсовой разнице при продаже акций. Причем создавались фонды для управления акциями вышеозначенных фондов, и так на несколько уровней. Вследствие ажиотажного спроса на акции таких фондов, росли курсы их акций и появлялись дополнительные их уровни. Такая ситуация не могла продолжаться до бесконечности. Массовый крах описанных выше финансовых пирамид, стал первой причиной глубочайшего экономического кризиса, получившего позднее эпохальное название Великой Депрессии.

Данный экскурс в экономическую историю весьма наглядно иллюстрирует типичную для предкризисного состояния картину: самая уязвимая часть экономики — финансовый сектор, первая испытывает на себе удары кризисных явлений, более того, зачастую именно финансовый сектор является причиной разворачивания кризиса.

Но, не менее интересно и то, что «благодаря» подобным ситуациям вскрываются глубинные, сущностные проблемы экономических институтов, благодаря чему они совершенствуются.

Современный кризис, напомним, также явился следствием процессов в финансовом секторе. Только теперь это были финансовые пирамиды продуцировавшие производные финансовые инструменты, основанные на ипотечных кредитах.

Американские финансово-кредитные учреждения разработали следующую схему финансирования ипотеки. Банк, выдает ипотечные кредиты частным лицам. Затем все кредиты определенным образом группируются, создается пул ипотечных кредитов, на который выпускается облигационный займ, обеспеченный выплатами по включенным в данный пул ипотечным кредитам. Облигации реализуются на открытом рынке ценных бумаг. Покупателями в основном являются профессиональные инвесторы. И так как ипотечные кредиты считаются высоко обеспеченными (залогом выступает недвижимость — объект ипотеки, тем паче американская), то и спрос на подобные акции был очень высок. И банк-организатор получает средства для выдачи следующих кредитов, на который опять выпускаются облигации и т. д. Можно сказать, что изобретен вечный двигатель. Но, как известно, вечных двигателей не существует.

Проблема, вскрытая современным кризисом, в том, что при обычном ипотечном кредитовании банк несет риски невозврата кредита и стремиться их минимизировать. Для этого он определяет жесткие критерии, в рамках которых кредитование целесообразно. В приведенной выше ситуации банк не несет рисков, связанных с кредитом — он выступает в роли организатора и получает свой процент вознаграждения, а, следовательно, заинтересован не том, чтобы кредиты принесли доход, а в том, чтобы получить как можно больше комиссионных, для чего надо выдать как можно больше кредитов и выпустить облигаций.

Как ни парадоксально, но и покупатели данного вида облигаций не несут ответственности за принятые решения об участии в данной схеме. Так как все покупатели являются институциональными инвесторами, то решения об инвестировании принимаются следующим образом. Инвестиционный фонд в лице одного из менеджеров имеет определенный портфель, в который могут входить только бумаги определенного индекса надежности (устанавливается рейтинговым агентством) в определенном количестве (как правило доля в общем портфеле), причем для пенсионных фондов и страховых компаний

эти параметры фиксируются в соответствующем законе. А так как облигации, обеспеченные ипотечными кредитами считаются высокообеспеченными активами (указывалось выше), банки-организаторы — это, как правило, именитые организации или их дочерние организации, то и рейтинговые агентства достаточно легко выставляют высокие индексы надежности. Дальше все идет в автоматическом режиме. Более того, во многих компаниях такие решения принимаются специализированной компьютерной программой.

В конечном итоге, процент невозврата ипотечных кредитов становится настолько высок, что инвесторы не получают свой доход по данному виду облигаций. Это ведет к резкому сокращению спроса на облигации и банки, не успевшие организовать пул и продать их, вынуждены самостоятельно нести риски. Рушится рынок облигаций, инвесторы несут убытки, это тянет за собой весь фиктивный капитал. Для покрытия убытков инвесторы вынуждены перетягивать средства из реального сектора, в результате чего последний сжимается до минимально возможных пределов и начинается экономический кризис.

Рассмотренная схема лишь иллюстрирует несовершенство институциональной структуры современной высокоразвитой экономики, причем как показано, эти проблемы напрямую связаны с институтом корпоративного управления.

Рассмотренные выше тенденции в области совершенствования управления собственностью, как видно, в обоих случаях результатом имеют, во-первых, конечно кризис экономической системы, а во-вторых, осознание необходимости трансформации старых отношений в соответствии с требованиями реального мира, мира изменившегося.

Имеется, по большому счету, два направления изменений. Это:

- первое — изменения со стороны государственных институтов;
- второе — изменения стихийные в рамках принятия экономическими субъектами новых законов и формирования соответствующих неформальных институтов.

Государство должно по сути адаптировать свою структуру к новой системе отношений. Для этого надо менять собственную структуру, законы. Это все что может государство, но даже такое воздействие — серьезный шок для экономики.

Основываясь на изложенном выше, можно подвести некоторые итоги. Институты — это нематериальные инструменты взаимодействия экономических субъектов. Причем сами они также подчиняются экономическим законам: есть затраты на их поддержание и эффект от их существования. Соотнося первое со вторым, игроки (предприниматели, общественные деятели, политики и т. д.) выбирают ту форму взаимодействия, которая при использовании наличных ресурсов (в том числе и результатов НТП) дает максимальное превышение результата над затратами. Именно поэтому, навязывание институтов в долгосрочном интервале времени устойчивого результата не принесет. Важна продуманная политика общества по формированию оптимальной институциональной среды современного этапа модернизации.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

Петрозаводский филиал

**Роль науки и образования
в модернизации экономики России**

Коллективная монография

Заведующий редакцией научной и учебно-методической
литературы Издательства СПбУУиЭ

А. В. Блажко

Подписано в печать 20.04.2012 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Уч.-изд. л. 6,94. Усл. печ. л. 8,87.

Тираж 500 экз. Заказ № 6595

Издательство Санкт-Петербургского университета
управления и экономики
198103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр. 44, л. А
(812) 448-82-50

E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 29

Основой коллективной монографии послужила дискуссия профессорско-преподавательского состава Петрозаводского филиала СПбУУиЭ об основных направлениях и путях модернизации российской экономики, роли науки и образования в этом процессе.

В издании раскрывается первостепенная роль науки и образования в модернизации российской экономики, исследуются теоретико-методологические и исторические аспекты модернизации, анализируются цели и задачи современной модернизации российского общества. Излагаются проблемы методологического поиска путей модернизации отечественной экономики, охватывающей сферы управления, бизнес-сообщества, реального производства и подготовки квалифицированных кадров.

Издание предназначено для специалистов, интересующихся проблемами модернизации экономики, научных сотрудников, преподавателей высших и средних профессиональных учебных заведений, магистрантов, аспирантов и студентов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям.

ISBN 594047285-0

9 785940 472858